

«ЖЕРТВЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ»: ЯЗЫК ПОНИМАНИЯ

Ю.С. Мануйлов, профессор Центра научных инвестиций, доктор педагогических наук, г. Нижний Новгород

Современных социальных педагогов не может не интересовать язык понимания всего того, что называется «педагогической реальностью». «Знание, выраженное в языке, становится базисом, «материей», новой субстанцией мира или, может быть, лучше сказать, субстанцией нового мира. Оно само есть реальность, и творит реальность»¹.

Введённое в отечественную педагогику А.В. Мудриком понятие «жертвы социализации» очень точно характеризует состояние значительной части молодёжи, родившейся в перестроечное, постперестроечное и кризисное время. Это малолетние воры, наркоманы, бродяги, попрошайки, вымогатели, жулики, хулиганы, в том числе интернет-хулиганы, юные проститутки, душевнобольные, невротики, инвалиды... Имя им — легион. В стране появились свои «дети песчаных карьеров». К жертвам социализации можно отнести злонамеренных технофанов, резвящихся троллей. На гуманном языке педагогов различные категории жертв именуются как «неблагополучные», «трудные», «оступившиеся», «юные правонарушители», «малолетние преступники» и пр. Эти названия указывают на социальные отклонения, содержащие в себе потенциальную угрозу. Есть группа слов-выражений, характеризующая не столько детей, сколько драматические обстоятельства их жизней. Это «социально незащищённые», «социально запущенные», «безнад-

зорные», «интернет-зависимые» и пр. Наше сознание рисует связь: неблагополучные, потому что безнадзорные; трудные, потому что запущенные, и т.д. Есть и иные номинации: «девианты», «делинквенты», а также слова, раскрывающие причину социальных патологий и их «лечение»: «депривация», «деадаптация», «ресоциализация». Эти учёные слова привнесены в педагогику из зарубежной психологии, из медицины и других областей человеческой практики.

К сожалению, профессиональный сленг большинству населения непонятен, а лишь блокирует интерес к теории и практике общественного воспитания. Будут ли, к примеру, обычные граждане резонировать на слово «ресоциализация»? Вместе с тем, они потенциальные субъекты общественного воспитания и определяют моральное здоровье нации. Это доказала история социального воспитания и итоги борьбы с беспризорничеством в послереволюционной России, а также последующая воспитательная практика в Советском Союзе. Дополнительным аргументом важности и необходимости общественного воспитания служит крайняя непродуктивность педагогических мер в условиях социальной толерантности и плюрализма. Раньше граждане реагировали на антиобщественное поведение ребёнка, и сте-

¹ Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества) [Текст] / В.А. Кутырев. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2006. С. 18.

пень детской социальной патологии была куда меньше нынешней, а уровень нравственного сознания неизмеримо выше! И это очевидный, исторический факт, отрицать который могут люди, не сведущие или подверженные влиянию политической конъюнктуры. Конечно, дело не в словах, а в отношении государства к детству, в социальной организации и культуре народа. Но вина за отчуждение официальной педагогики от народной лежит на современной педагогической науке, подвергшейся в последние годы «геной модификации». Вместе с тем, подмена или замена слов в сфере духовного производства равносильна измене.

Необходимо возвращение к нормативному русскому языку, который традиционно «служил верой и правдой» многовековой отечественной педагогике. Пластичность, образность и точность русского языка, способность сохранять связь слова с его происхождением — общепризнанные его качества и свойства. Наши исследования показывают, что определённый ряд слов на «о» углубляет понимание природы жертв социализации. Эти слова говорят сами за себя: обделённые, обездоленные, оболганные, обманутые, обречённые, ограниченные, озлобленные, оскорблённые, осуждённые, отвергнутые, опустошённые, а в нашу эпоху ещё отравленные, оцифрованные, обезличенные и пр.

Чем интересны слова с приставкой «о»?

Полагаю, они дополняют новыми смыслами понятие «жертвы социализации», вскрывают её социальную основу. Воришка может быть *обременён* проблемой выживания или *отвергнут* родственниками, *окружён* вниманием «авторитетов» и *обучен* воровскому ремеслу. Девочка может быть *отягощена* наследственной предрасположенностью к промискуитету и проституции, психотропно *обработана* или *озабочена* материальной стороной быта, *обманута* ложной «перспективой». Так могут работать «слова на «о». Существующий в русском языке страдательный залог, определяющий особенность национального вос-

приятия, неизменно будет склонять людей усматривать в превратностях судьбы влияние среды и обстоятельств жизни. Если социализация, как трактует А.В. Мудрик², это приспособление/обособление субъекта к миру и в мире, то можно допустить, что жертвой социализации он становится в двух случаях, когда:

- а) избирает порочный способ приспособления к «хорошей достойной среде»;
- б) порочна сама среда, к которой он вынужден приспосабливаться.

Среда действительно посредствует, опосредует и осредняет личность. Это означает, что жестокая среда ожесточает; ограниченная — ограничивает; свободная освобождает, в том числе от морали, преступно организованная среда обращает в преступников, цифровая среда оцифровывает, безликая среда — обезличивает. Важно осознание, что смысл данных слов и сам ход мыслей доступны и понятны простому обывателю. Они вызывают эмоциональную реакцию и способны побудить к действию, направить это действие на улучшение среды и образа жизни молодёжи.

Конечно, страна переходит из одного социально-экономического состояния в другое, и без жертв не обойтись. Но всё-таки почему так много жертв, особенно среди детей, и когда закончится жертвоприношение? Вопрос риторический. На него уже дали ответ современные лингвисты-философы: когда народ будет говорить и мыслить на своём исконном языке, а в дальнейшем, и это главное, когда родной язык начнёт говорить с нами и руководить нашими помыслами и реальными действиями в жизни. В.Ш

² Мудрик А.В. Социализация — возможная социально-педагогическая трактовка [Текст] / А.В. Мудрик // Социальная педагогика: люди, идеи, проблемы: Сб. под ред. Т.А. Ромм и Т.Т. Щелиной. Арзамас: АГПИ, 2011. С. 103–107.